

Чу Ван смотрел на Чэн Яня долгим, немигающим взглядом. Наконец он медленно прикрыл глаза и тихо произнёс:

— Когда он толкнул меня, я почувствовал запах сандала. В нашей академии этот аромат исходит только от Мэн Чэньхуэя.

Он замолчал, восстанавливая в памяти события вечера.

— После того как ты ушёл, я остался в комнате. Тебя долго не было, уже начало смеркаться, и я... я начал беспокоиться. Решил выйти и поискать тебя. В этот момент подошёл один из соучеников и сказал, что ты ждёшь меня у пруда Битань, якобы по какому-то важному делу. Мне это показалось странным, но подозрений не возникло, и я пошёл. У берега тебя не оказалось, но береговая линия длинная, и я решил обойти пруд, думая, что мог тебя не заметить.

Маленький цзюньван горько усмехнулся.

— Сейчас я понимаю: тот соученик во всём подпеваёт Мэн Чэньхуэю и с тобой почти не знаком. Мне следовало насторожиться сразу, как только он заговорил.

Но он не насторожился.

«Я знаю почему, — отчетливо осознал Чу Ван. — Потому что в тот момент, когда я услышал, что Чэн Янь ждёт меня у пруда, в сердце вспыхнула робкая, почти постыдная надежда. Мне безумно хотелось узнать, что же он может сказать мне в таком тихом и уединённом месте»

Чэн Янь всё ещё сжимал его руку. Тёплая, сухая ладонь согревала кожу, и это тепло медленно, капля за каплей, просачивалось внутрь, успокаивая дрожь.

Юноша поднял взгляд, но, встретившись с чистыми, пронизательными глазами собеседника, тут же смущённо отвернулся, чувствуя себя так, словно его тайные мысли выставили на всеобщее обозрение.

— Я... я был слишком неосторожен, — прошептал он.

Старший молодой господин решительно качнул головой:

— Это не твоя вина. Я и сам не ожидал, что он посмеет зайти так далеко.

— Не понимаю, — в голосе Чу Вана слышалось искреннее недоумение. — Неужели из-за обычной перепалки Мэн Чэньхуэй действительно решил меня убить?

— Зло и добро разделяет лишь один неверный шаг, — сурово ответил Чэн Янь. — В порыве гнева люди способны на самые безумные поступки. Особенно те, кто привык с легкостью получать всё желаемое. Если они не могут чем-то обладать, то предпочитают это уничтожить.

Лицо пострадавшего застыло. Спустя долгое время он хрипло проговорил:

— Да, он именно такой человек.

Чэн Янь же в этот момент размышлял о другом.

«В оригинальном сюжете Мэн Чэньхуэй напал на Чу Вана перед экзаменом лишь потому, что тот отказался поддаться ему и уступить первое место. Его ярость была вызвана ущемлённой гордостью и отказом в сделке. Если следовать логике персонажа, сегодня в сумерках он, скорее всего, тоже хотел обсудить предстоящий Юэши. Очевидно, разговор не задался, и они разошлись врагами. И если этот подлец всё ещё жаждал победы, он выбрал самый радикальный путь: если нельзя заставить Чу Вана проиграть, нужно сделать так, чтобы он вообще не явился на экзамен»

В представлении таких людей повод для убийства может быть ничтожным — мелкая обида или случайная ссора. Только увидев плоды своего безумия, они осознают, что натворили. К тому же то, как Мэн Чэньхуэй подговорил Чэн Цзиня отвлечь брата и нашёл посредника для Чу Вана, говорило о внезапном порыве, а не о тщательно спланированном преступлении.

И всё же он почти преуспел.

Чэн Яню было страшно даже представить, что случилось бы, опоздай он хоть на минуту.

«Раньше провал миссии означал для меня лишь потерю части силы души и уход из малого мира, — пронеслось в его голове. — Я никогда не задумывался о том, что станет с душой того, кого я должен был защитить. Куда уйдёт его дух, если цель погибнет?»

Из глубоких раздумий его вывел громкий чих Чу Вана.

Он тут же вскочил на ноги:

— Совсем забыл! Нужно немедленно сменить мокрую одежду, иначе лихорадки не миновать. Где твои вещи? Давай я достану.

Волосы юноши, тяжёлые от воды, рассыпались по плечам чёрными водорослями. Без заколки

его лицо казалось совсем маленьким, а подбородок — болезненно острым. Маленький цзюньван шмыгнул носом и посмотрел на Чэн Яня взглядом, полным кроткой мольбы.

— Я... я бы хотел помыться... — тихо прошептал он.

В академии была общественная баня, расположенная совсем рядом с жилым корпусом. Однако горячую воду там давали только зимой. Сейчас же, в самый разгар летнего зноя, приходилось довольствоваться холодной.

Молодой человек нахмурился:

— Тебе сейчас нельзя в общую баню. Холодная вода только усугубит простуду.

Чу Вану стало неловко. Собеседник спас его, столько всего сделал, а он смеет просить о большем.

— Вода в пруду... она дурно пахнет, — едва слышно пробормотал он и тут же добавил, испугавшись собственной капризности: — Впрочем, неважно! Я просто к слову...

Но Чэн Янь уже что-то обдумывал. Внезапно его глаза азартно блеснули.

— Есть идея! Подожди меня здесь, я мигом!

Он уже дошёл до двери, но в последний момент обернулся:

— В каком шкафу твои вещи?

Закусив губу, Чу Ван указал на простую открытую полку. Там лежали всего два-три поношенных комплекта одежды — аккуратных, но бесконечно скромных.

— У меня немного вещей... — добавил он, невольно понижая голос.

Чэн Янь бегло осмотрел полку и вытащил большое, аккуратно сложенное полотенце. Ткань была грубой, но совершенно сухой.

— Снимай мокрое и завернись в него, — скомандовал он. — А я принесу горячей воды.

Слушатель в изумлении расширил глаза. Потребовалось несколько секунд, чтобы он принял полотенце.

— Где же ты её возьмёшь?

— У меня свои секреты, — загадочно улыбнулся Чэн Янь.

Когда юноша встал, стало видно, как мокрая ткань облепила его тело, обрисовывая каждую линию. Пояс, развязанный Чэн Янем во время спасения, так и висел по бокам. Стоило юноше повести плечами, и пропитанные водой одежды соскользнули бы на пол.

Чэн Янь поспешно отвёл взгляд и взялся за дверной засов.

— Я за водой. Запрись и переодевайся. И не впускай никого, кто бы ни пришёл.

Чу Ван послушно кивнул.

Выйдя из комнаты, Чэн Янь бросил напоследок: «Я скоро!» — и припустил бегом. Его собственная одежда тоже была мокрой, но за время суматохи успела немного подсохнуть. Месяц тренировок не прошёл даром — его тело стало куда крепче и выносливее.

Он направился не к баням, а напрямиком на кухню.

Там было уже темно, но у домика, где жили повара, всё ещё сидели несколько человек, наслаждаясь вечерней прохладой. Стоило Чэн Яню появиться, как его тут же узнали.

— Эй, глядите! Это же тот господин, что днём варил у нас курицу!

Чэн Янь подошёл ближе и узнал среди присутствующих того самого подмастерье, который докучал ему расспросами. Смыслённый паренёк тут же вскочил.

— Господин, вам снова нужна кухня?

Тот мягко улыбнулся:

— На этот раз нет. Но мне нужна горячая вода и немного дров.

— Без проблем! — закивал помощник повара. — Сколько воды вам нужно?

— У меня нет ведра. Найди какое-нибудь побольше, наполни его горячей водой, а я позже верну.

— Будет сделано!

Паренёк позвал приятеля, и они принялись за дело. Вскоре они отыскали глубокую деревянную кадку — такую, что доходила Чэн Яню почти до колен. Убедившись, что сможет её донести, он кивнул: «Подойдёт».

Подмастерье разжёл огонь в одном из уличных очагов за кухней, и вода вскоре зашумела.

— Будут ещё поручения, господин? — с подобострастной улыбкой спросил он.

Чэн Янь прекрасно понимал причину такого рвения. Он коснулся своего кошелька — к счастью, тот был сделан на совесть и не потерялся во время заплыва в пруду. Правда, стоило его сжать, как из кожи потекла вода.

Выжав кошелёк, Чэн Янь достал пару кусочков серебра.

— Помоги-ка мне дотащить эту кадку до жилого корпуса.

Получив плату, подмастерье просиял:

— Слушаюсь! Всё сделаю в лучшем виде!

Ещё бы, ведь этот щедрый господин днём не поскупился на вознаграждение за пользование кухней. Такая услужливость определённо должна была окупиться.

Дрова горели ярко, и вскоре вода закипела. Паренёк подхватил кадку, убедившись, что края не обжигают руки.

— Ведите, господин!

Чэн Янь зашагал впереди. Из-за завтрашнего экзамена в большинстве комнат всё ещё горели свечи — ученики готовились к испытанию в поте лица, и на улице не было ни души. Никто не заметил этого странного шествия.

У дверей комнаты Чу Вана Чэн Янь остановил помощника:

— Оставь здесь.

Тот не стал задавать лишних вопросов и, поставив кадку, быстро исчез в темноте. Чэн Янь постучал в дверь.

— Чу Ван, открывай!

Изнутри донеслось шуршание, засов щелкнул, и дверь приоткрылась. Чэн Янь подхватил тяжёлую кадку, но, увидев юношу, замер на пороге.

Тот стоял перед ним с распущенными волосами, едва прикрытый полотенцем. В неверном свете свечи его шея и ключицы казались выточенными из нежнейшего нефрита. Полотенце было узким и доходило лишь до бёдер, а ниже... ниже обзор закрывала кадка.

Чэн Янь негромко кашлянул, скрывая неловкость.

— Пусти в комнату.

Чу Ван, кажется, не заметил его состояния. Увидев горячую воду, он искренне восхитился:

— Ты и впрямь это сделал! Ты невероятный!

Поставив воду посреди комнаты, Чэн Янь поспешно закрыл дверь.

— Воды немного, так что придётся потесниться.

Юноша зачерпнул ладонями немного прозрачной, дымящейся воды. На его лице расцвела улыбка, полная тихой радости.

— Нет, её вполне достаточно. Спасибо.

Чэн Янь невольно улыбнулся в ответ.

— На полноценное купание не хватит, так что возьми полотенце, смочи его и оботрись.

Чу Ван кивнул, но вдруг замялся:

— Прямо... прямо здесь?

Чэн Янь на мгновение растерялся.

— Да, здесь, — ответил он и тут же осознал причину смущения. Сам почувствовав неловкость, он отступил к двери. — Ты... ты мойся, а я выйду на улицу.

— Куда ты?! — невольно вскрикнул маленький цзюньван.

— Мне тоже нужно смыть с себя грязь, — бросил Чэн Янь. Мокрая одежда уже начала порядком раздражать. Поймав растерянный взгляд, он быстро добавил: — Мойся спокойно. Я забегу к себе за чистыми вещами, ополоснусь в бане и вернусь. А ты, как закончишь, обязательно выпей куриный бульон!

Не дожидаясь ответа, он выскочил за дверь.

Чу Ван ещё долго стоял неподвижно, прежде чем, густо покраснев, задвинул засов.

«На мгновение мне захотелось предложить ему помыться вместе, — со стыдом подумал юноша. — О чём я только думаю?!»

Чэн Янь быстро переоделся у себя и заглянул в баню. Весь процесс — скинуть мокрое, окатиться водой, вытереться и надеть сухое — занял у него считанные минуты. На самом деле особой нужды в мытье не было, но надеть чистую одежду было необходимо для комфорта.

Рассудив, что Чу Ван ещё не закончил, он решил не возвращаться сразу. Атмосфера в комнате стала какой-то странной, и ему нужно было проветрить голову. Немного побродив, он направился к жилому сектору класса Дин.

На дверях комнат висели таблички с именами. Несмотря на скудный лунный свет, Чэн Янь внимательно осматривал каждую, пока наконец не нашёл ту, где значилось имя Сян Аня.

В секторе самого слабого класса свечи погасли почти везде — к экзаменам здесь относились без особого рвения. Стоило Чэн Яню постучать, как в дверях показалась голова Сян Аня.

— Кто там? О, молодой господин Чэн! Чем могу быть полезен?

Чэн Янь поманил его пальцем:

— Выйдем на пару слов.

Собеседник, заметно нервничая, последовал за ним в тень.

— Господин Чэн, — пролепетал он, едва они оказались в уединении, — то, что вы просили в прошлый раз... я всё сделал...

Его взгляд так и молил: «Только не напоминай мне про тот долг!»

Чэн Янь усмехнулся:

— Опять проигрался в пух и прах, что даже штанов не осталось?

— Ваша правда, — уныло вздохнул Сян Ань. — Фортуна нынче ко мне неблагоприятна.

Чэн Яню было недосуг выслушивать его жалобы. Раз парень нуждается в деньгах, дело пойдёт быстро. Он достал из вещей кошелек и вытряхнул на ладонь приличную горсть серебра — не меньше пары десятков лянов.

— Слушай внимательно. Я снова помогу тебе, но за это ты кое-что сделаешь.

Тот вытянулся в струнку, восторженно глядя на блеск металла:

— Всё что угодно! Только скажите!

— Завтра утром экзамен, а после полудня вывешат списки, — начал Чэн Янь. — Народу будет тьма. Ты затеряешься в толпе и будешь ждать моего знака.

Сян Ань, будучи парнем хитрым, тут же смекнул, что затевается какая-то пакость.

— Против кого играем, господин Чэн? — подмигнул он.

Тот смерил его холодным взглядом:

— Я ни против кого не играю. Я просто хочу, чтобы ты прилюдно похвалил Мэн Чэньхуэя.

Сян Ань опешил:

— Но вы же с ним на ножах! Зачем мне его хвалить?

— Ты будешь в толпе. В нужный момент начни восхищаться его «благородным происхождением» и «высоким статусом».

Лицо Сян Аня изменилось:

— Вы же знаете, кто он на самом деле, и просите меня об этом? Господин Чэн, вы же не возвысить его хотите, а сбросить с пьедестала!

«А ты сообразителен», — подумал Чэн Янь, но вслух произнёс загадочно:

— В толпе тебя никто не заметит. А завтра ты и сам увидишь, насколько «необычайно» его происхождение.

В его голосе прозвучало нескрываемое презрение. В академии Битань никто толком не знал, кто такой Мэн Чэньхуэй. Все видели лишь его богатство и связи с цзюньтайшоу. Даже учителя заискивали перед ним.

Заметив, что Сян Ань уже готов согласиться, Чэн Янь закрепил успех:

— Сделаешь всё как надо — в деньгах нуждаться не будешь.

— Положитесь на меня! — закивал тот.

Обсудив детали того, как именно нужно будет подливать масла в огонь, Сян Ань всё же не удержался:

— Господин Чэн, ну скажите хоть вы: кто же он такой на самом деле?

Чэн Янь лишь покачал головой, сохраняя интригу:

— Завтра сам увидишь.

Он понимал: некоторые события сюжета неизбежны. Мэн Чэньхуэй так жаждал блеснуть на этом экзамене? Что ж, Чэн Янь с радостью поможет его мечте осуществиться. Но совсем не так, как тот ожидает.

***

Чэн Янь вернулся к комнате Чу Вана в приподнятом настроении. Его голос звучал почти весело:

— Чу Ван, открывай!

— Потихе ты! — раздалось из-за двери.

Хозяин комнаты впустил его и тут же притворил дверь, недовольно хмурясь:

— Ты разве не видел, что в соседних комнатах уже погасили свет? Почему ты так долго?

— Да брось, — отмахнулся Чэн Янь, — во многих окнах ещё горят огни, все зубрят перед

завтрашним днем. К тому же, если я буду красться и шептать под дверь, это будет слишком похоже на тайное свидание.

Чу Ван едва не задохнулся от возмущения:

— Не мели чепухи!

Он сердито отвернулся и прошёл вглубь комнаты. Чэн Янь сразу заметил на столе зажженную свечу.

— Ты тоже решил заняться учебой?

— Я... я просто хотел ещё раз повторить пройденное, — тихо ответил юноша, внезапно теряя всю свою напускную строгость.

— Бульон выпил? — спросил Чэн Янь, подходя ближе.

— Да... выпил больше половины! — поспешно заверил его тот.

Чэн Янь заглянул в котелок. Бульона там не убавилось ни на каплю. Он коснулся стенок — они всё ещё были горячими. Не желая уличать Чу Вана во лжи, он просто сказал:

— Выпей ещё немного.

— Нет-нет, лучше ты, — Чу Ван замотал головой.

Чэн Янь пристально посмотрел на него:

— Я ведь специально для тебя старался. Неужели невкусно?

Эти слова, кажется, задели в душе юноши какую-то струну.

«Нет... очень вкусно... — подумал Чу Ван. — Просто... я никогда раньше не пил куриный бульон. Мне кажется, это слишком расточительно для меня...»

Последние слова он произнёс почти шёпотом. Он вырос в бедности. В его деревне даже зажиточные семьи не могли позволить себе забить курицу просто ради супа. Поступок Чэн Яня казался ему верхом расточительности. Услышав, что это было сделано «специально для него», он ощутил странный, щемящий трепет.

Чэн Янь заметил, что волосы юноши всё ещё мокрые. Чу Ван переоделся в чистое нижнее белье, но оно было старым и коротким — тонкие запястья и лодыжки оставались открытыми.

Не говоря ни слова, Чэн Янь наполнил пиалу. По комнате тут же разлился густой аромат. Чу Ван невольно сглотнул.

Чэн Янь не стал смеяться над ним. Он лишь мягко произнёс:

— Я варил его очень долго. Прояви уважение к моему труду, выпей хоть одну чашку.

Тот в нерешительности замер, не сводя глаз с золотистого бульона.

— Я... я лучше съем немного мяса... а бульон оставь себе...

— Исключено! — притворно рассердился Чэн Янь. — Мясо — моё, а бульон — твой!

Он схватил Чу Вана за руку, усадил на стул и решительно поставил перед ним пиалу.

— Неужели ты мне откажешь?

В его голосе послышалась напускная обида, от которой у юноши защемило в груди. Тот облизал пересохшие губы и едва слышно прошептал:

— Спасибо...

Чэн Янь перестал шутить. Когда Чу Ван потянулся к пиале, он внезапно коснулся его головы.

— Что такое? — вздрогнул тот.

— Не вертись, я вытру тебе волосы.

На голову Чу Вана легло мягкое полотенце, и сильные руки начали осторожно массировать его через ткань. Юноша замер, боясь пошевелиться.

— Пей свой бульон, — донеслось сверху, — не обращай на меня внимания.

Чу Ван поспешно уткнулся в пиалу, пытаясь скрыть своё смятение. Его волосы были мягкими и тонкими. Чэн Янь бережно разбирал пряди, чувствуя их шелковистость. У юноши они доходили до самой поясицы. Чэн Янь не торопился, тщательно промакивая каждую прядь.

Закончив с бульоном, Чу Ван отставил пустую посуду. Ему хотелось обернуться, но он не смел.

— Довольно... — наконец выдавил он.

— Нужно досушить, — не согласился Чэн Янь, — иначе не уснёшь.

Чу Ван не выдержал. Он обернулся и вскинул голову, глядя на собеседника снизу вверх. Тот стоял совсем рядом — уверенный, мужественный. Слова сами собой сорвались с губ:

— Ты... ты делал так для кого-нибудь ещё?

Чэн Янь озадаченно переспросил:

— Делал что?

— Вытирал волосы... варил бульон...

Тот на мгновение замер, а затем весело рассмеялся:

— Да когда бы я успел?! У меня нет ни малейшего желания возиться с кем-то другим.

— То есть... никогда? — допытывался юноша.

— Никогда, — подтвердил Чэн Янь.

«То есть... вообще никогда, — подумал он. — Даже если в прошлой жизни я делал что-то подобное, это всё равно был ты, а не кто-то "другой"»

— Но почему... почему ты так добр ко мне? — прошептал юноша.

Чэн Янь склонился к нему почти вплотную.

— А ты сам как думаешь?

Чу Ван замер, глядя в его глаза. Он видел в них нескрываемое веселье и собственное отражение. Они были так близко, что у него закружилась голова.

Почему-то он снова вспомнил то чувство, когда уходил под воду. Когда Мэн Чэньхуэй толкнул его, он не знал, что спасение уже рядом. В те мучительные секунды борьбы все его мысли

были только о Чэн Яне. Придёт ли он? Узнает ли? Успеет ли он сказать то, что не успел?..

Сознание вернулось к нему лишь тогда, когда он почувствовал тепло чужих губ. Это тепло вернуло его к жизни.

Чу Ван смотрел на Чэн Яня, и когда их лица почти соприкоснулись, он едва слышно произнёс:

— Ты ведь... поцеловал меня тогда? У пруда.

Тот замер, а затем открыто улыбнулся:

— Да. Я поцеловал тебя. И вовсе не украдкой — нас видели несколько соучеников.

Чу Ван вцепился в его рукав. Шея затекла от неудобной позы, но он не отстранился.

— Можно... ещё раз?

Там, в ледяной воде, он понял: если ему дадут шанс, он обязательно признается. Признается в том, что его сердце давно принадлежит этому человеку.

Чэн Янь склонился и накрыл его губы своими. Он медленно обхватил юношу за талию, приподнимая его, прижал к краю стола и осторожно проник внутрь. Несколько книг соскользнули со столешницы, свеча в углу продолжала гореть, отбрасывая на их кожу тени.

Шорох ткани и прерывистое дыхание заполнили комнату. Чу Ван чувствовал, как его лицо горит. Когда Чэн Янь наконец отстранился, юноша выглядел совершенно ошеломлённым. Он судорожно вцепился в воротник собеседника, пытаясь удержаться на ногах.

Бледные щеки залил густой румянец. В этом облике не осталось и следа от его обычной холодности. Эта скрытая от всех сторона заставляла сердце Чэн Яня биться чаще.

Немного отдышавшись, Чу Ван обхватил его за талию и прошептал:

— Я...

— Я люблю тебя.

Чэн Янь опередил его.

Юноша в изумлении поднял голову. Тот с нежной улыбкой смотрел ему прямо в глаза.

— Я люблю тебя. Ты будешь со мной?

Чу Ван долго молчал, пытаясь осознать услышанное. Наконец он снова уткнулся лицом в грудь Чэн Яня.

— Люблю... я тоже тебя люблю...

Его голос звучал глухо, а в конце в нём послышались слёзы. Чэн Янь почувствовал, как ткань его одежды на груди намокает. Он растерялся, но затем ласково обнял юношу.

— Я защищу тебя. Больше никто не посмеет причинить тебе боль.

Он решил, что Чу Ван плачет от страха или от пережитого потрясения. Но тот лишь покачал головой и, вытерев слёзы, смущённо пробормотал:

— Я... я сам не знаю... просто не сдержался...

Чэн Янь рассмеялся, стёр остатки влаги с его ресниц и нежно поцеловал в уголок глаза.

— Теперь тебе не нужно ничего сдерживать. Делись со мной радостью, а горе мы разделим пополам.

Юноша густо покраснел и легонько оттолкнул его:

— Пусти... мне нужно прибраться!

Чэн Янь послушно отступил. Пока Чу Ван наводил порядок на столе, он невольно вспоминал, как они только что были близки.

Среди книг Чу Ван заметил длинный футляр из дорогого дерева, украшенный искусной резьбой. Решив, что это вещь его соседа, он потянулся, чтобы переставить его на другой стол.

— Стой! — окликнул его Чэн Янь.

— Это твоё? — удивился юноша.

Тот и сам совсем забыл о нём. Покупка, оставленная на столе ещё днём, вылетела у него из головы.

— Это тебе. Открой.

Руки Чу Вана дрогнули. Он коснулся крышки, но почему-то боялся заглянуть внутрь.

— Мне? — переспросил он, словно не веря своим ушам. Чэн Янь лишь подбадривающе улыбнулся.

Юноша медленно откинул крышку. Внутри, на подкладке из алого шелка, покоилась изящная кисть. Его глаза расширились. Он тут же захлопнул футляр и подвинул его к Чэн Яню:

— Нет... я не могу это принять! Это слишком дорого!

— Глупости, — соврал Чэн Янь, — купил первую попавшуюся, она стоила всего десяток лянов.

Чу Ван осторожно взял кисть в руки, осмотрел её и покачал головой:

— Ты лжёшь. Я видел такую в лавке. Она стоит двести лянов.

Чэн Янь на мгновение замер, а затем тихо рассмеялся:

— Значит, я не ошибся с выбором.

Если бы кисть ему не нравилась, он бы никогда не запомнил её цену. Тот бережно коснулся узоров на рукояти, но всё же вернул подарок в футляр.

— Не могу. Слишком дорого.

Чэн Янь вложил футляр ему в руки, глядя прямо в глаза:

— Неужели не нравится? Признайся, ты ведь заметил её в лавке с первого взгляда?

Чу Ван помедлил, но всё же кивнул. Его пальцы продолжали ласкать гладкую поверхность кисти. Он копил, надеясь, что когда-нибудь сможет её купить. Но он знал, что в его жизни всегда найдутся более важные траты.

— В той лавке я тоже сразу её заметил, — негромко произнёс Чэн Янь. — И сразу понял: она создана для тебя.

Юноша замер. Чэн Янь сжал его руки на футляре:

— Только в твоих руках она будет полезна. С ней ты обязательно добьёшься успеха и взлетишь высоко.

Чу Ван открыл рот, но не смог произнести ни слова. Чэн Янь достал кисть и показал на резьбу:

— Посмотри, что здесь изображено. Разве не похоже на тебя?

На бамбуковой рукояти был искусно вырезан летящий журавль с широко расправленными крыльями. Рядом виднелись строки:

«Крик журавля у плетёных ворот, луна скользит над стеной,

Цветы сливы белеют, точно снег, наполняя лес ароматом».

Чу Ван долго молчал, крепко прижимая футляр к груди. Наконец он поднял взгляд и твёрдо произнёс:

— Я оправдаю твои ожидания.

Чэн Янь улыбнулся и ласково взъерошил его волосы.

«Вид юноши в белом одеянии и с распущенными волосами настолько пленителен, что мне нестерпимо хочется поцеловать его снова», — подумал он.

Но тут же вспомнил о важном деле:

— Точно! Совсем забыл! Дай-ка мне свои записи, нужно хоть немного подготовиться к завтрашнему дню!

<http://bllate.org/book/15870/1442937>